Ахматова А.

Лит. газ. - 1990. - 7 марта. - (№10). - с. 3

В присутствии Анны Ахматовой

ПОСТСКРИПТУМ К ЮБИЛЕЙНЫМ ЧТЕНИЯМ В МОСКВЕ И ЛЕНИНГРАДЕ

КАК ЗАКЛИНАНИЕ мы сейчас без устали повторяем найденную, кажется, наконец душеспасительную формулу чудесного обретения попранной справедливости: «Жить в России надобно долго».

Только ведь Ахматова прожила на свете не 35 лет, как Гумилев, и не 40, как Блок, и не 47, как Мандельштам, а почти 77, дольше, кстати, и Цветаевой, и Пастернака, и вообще едва ли не всех других русских поэтов, но так и не дождалась ни отечественной публикации «Реквиема», ни отмены разносного партийного постановления 1946 года. Отлученного от церкви Льва Толстого в храмах все же не проклинали. Но в отделенной от церкви школе Ахматова из года в год угрюмо провозглашалась «одним из представителей... безыдейного реакционного литературного болота». Об этом — ее стихи, написанные в 1959 году:

Неуклонно, тупо и жестоко
И неодолимо, как гранит,
От Либавы до Владивостока
Грозная анафема гудит.

Правда, к тому времени уже вышел после многолетнего перерыва сборник стихотворений (рецензию на него в «Литературной газете» Анна Андреевна назвала «прорывом блокады»). Затем были еще две книги, итальянская премия, докторская мантия Оксфордского университета... «Поэту ничего нельзя дать, и у поэта ничего нельзя отнять, — записала ахматовские слова Ника Глен. — Уж у меня так отнимали!.. Всем государством. И ничего не отняли».

Как это похоже, однако, на донесение с театра военных действий, где, увы, еще лет двадцать после смерти Ахматовой сохранялись и надолбы, и волчьи ямы. А когда в конце концов был снят запрет с неугодных трагических стихов и объявлен ошибкой пресловутый идеологический приговор, то уже вплотную приблизился тот самый столетний юбилей, на который не приходится особо рассчитывать даже долгожителям.

ГЛАВНЫЕ юбилейные события начались в Москве в середине июня трехдневными Ахматовскими чтениями. Через две недели трехдневная же конференция «Анна Ахматова. Труды и дни» прошла в Ленинграде. А завершая ахматовский год, ученые еще раз собрались в Москве на конференцию «Анна Ахматова и русская культура XX века».

Открытие научных заседаний в столице ознаменовалось первостепенным сообщением: группа сотрудников Института мировой литературы приступила к подготовке академического полного собрания сочинений Ахматовой. Что и говорить, трудности этого предприятия слишком очевидны. И одна из них—разграничение правки творческой и компромиссной. Ведь перемены в ахматовских стихах были вызваны отнюдь не только эстетическими соображениями.

Характерная история для многих впервые приоткрылась на ленинградской конференции Отметив, что Ахматова вернула нам ощущение весомости отдельной строки, которая стоит порой целого стихотворения, Лев Озеров привел в подтверждение несколько известных стихотворных фрагментов. А закончил, пожалуй, самым знаменитым:

...Для славы мертвых нет.

Да, именно так мы это помним, слышим, повторяем. Но, выступая следом, Зоя Томашевская прочитала хрестоматийные ахматовские стихи из цикла «Ветер войны» не по книге, а по автографу, подаренному ее родителям — И. Н. и Б. В. Томашевским:

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать,
мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть
плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир
все ваши имена!
Да что там имена!
Захлопываю святцы!
И на колени все!
Багровый хлынул свет!
Рядами стройными проходят
ленинградцы
Живые с мертвыми —
для Бога мертвых нет.

Обращение в заключительной строке к Евангелию («Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы») так органично для этого стихотворения, что даже прозрачное иносказание ломает образный строй, вытесняет теплоту чувства риторическим пафосом.

В книге воспоминаний Анатолия Наймана подробно описан эпизод с исправлением строки в поэме «Путем всея земли». Там у Ахматовой в оригинале было место — будто из «Реквиема»:

Столицей распятой
Иду я домой.

Но позвонил редактор, предложил подыскать замену. Анна Андреевна с тем же обратилась к своим гостям. И нынешний мемуарист, сымитировав ахматовскую манеру, подсказал: «За новой утратой...» Так, естественно, и печатается по сей день.

Ряд цензурных искажений отмечает Л. К. Чуковская в «Записках об Анне Ахматовой». Вот выразительный пример. «Заклинание», обращенное к Н. Гумилеву, заканчивается строчками:

...Незваный,
Несуженый, —
Приди ко мне ужинать.

А начинается? Судя по книгам:

Из высоких ворот,
Из заохтенских болот...

Только в рукописи иначе: «Из тюремных ворот...»

Помню, однажды на лекции в университете С. Наровчатов заговорил о том, как болезненно воспринимают читатели свежую правку в давних, привычных слуху стихах. И тут же сослался на свидетельство Ахматовой. Есть у нее молодые строки о Пушкине из цикла «В Царском Селе»:

Смуглый отрок бродил по аллеям
У озерных глухих берегов.

Стоило, оказывается, Анне Андреевне спустя полвека в книге «Бег времени» заменить «глухих» на «грустил» (потому что какая же глушь в царскосельских парках?) — так старинные поклонницы забросали ее негодующими письмами.

Да если бы эти милые, славные женщины узнали, как приходилось Ахматовой действительно уродовать свои стихи, они бы разом лишились, быть может, последнего утешения.

Теперь, конечно, для дотошных читателей цензурное своеволие никакая не тайна. Составляя ахматовский том «Библиотеки поэта», В. М. Жирмунский аккуратно воспроизвел в приложении крамольные строчки, хотя сами стихи вынужден был дать в адаптированном виде — как бы в соответствии с авторской волей.

И все же текстологи поэтического наследия Ахматовой знают хотя бы, что им делать. А читатели могут еще и порадоваться, что стихи изданы, как считает Вадим Черных (а он подготовил самые полные сборники ахматовской лирики), по крайней мере на 95 процентов. Но вот проза из записных книжек, дневниковая и мемуарная, по тем же сведениям, опубликована пока лишь процентов на 30—40. А главное, нет единодушия в том, как ее печатать. И эйфорическое предложение выпустить записные книжки Ахматовой факсимильно, и опыт тематической компоновки избранных записей далеко не исчерпывают проблем академического издания.

О СЛУЧАЙНОМ петербургском извозчике Анна Андреевна как-то обмолвилась: он был такой старый, что мог еще Лермонтова возить. Это ожил отголосок столетнего лермонтовского юбилея, который отмечался в 1914 году — через семь с лишним десятилетий после смерти поэта. Столетие самой Ахматовой наступило куда скорее, застав многих ее собеседников и слушателей в том возрасте, который не очень обременяет, а то и вовсе не ощущается. И они естественно оказались в центре юбилейных торжеств. А уж на чтениях, среди докладчиков, просто преобладали. И потому живые ахматовские реплики, неприглаженные литературные оценки, неожиданные остроты, наблюдения и догадки не столько цитировались, сколько припоминались — уточняя, опровергая, свидетельствуя...

— Третьего марта шестидесятого года я застала Анну Андреевну в страшном волнении, — говорит Галина Корнилова. — Она возмущалась статьей из «Фигаро» о Блоке и о себе, восклицала: «Я и Блок! Зачем выдумывать? Ведь все письма Блока опубликованы». Но когда она сама вспоминала что-нибудь о Блоке, мне каждый раз казалось, что в ее словах есть какая-то личная нота. И такая же личная нота чувствовалась в описании жены Блока. Я однажды спросила, какой была Любовь Дмитриевна, и получила краткий, жестокий ответ: «Это была корова с косой».

Когда умер Борис Пастернак, Ахматова лежала в больнице. Всех, кто навещал ее, она подробно расспрашивала о похоронах. Выслушав Галину Корнилову, сказала: «Что ж, это настоящие русские похороны. Такие надо заслужить». А на следующий день в разговоре с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым заметила: «У меня такое чувство, что это великий религиозный праздник. Так же было, когда хоронили Блока».

«Реквием» впервые открыто прозвучал в авторском чтении только после его публикации в нашей печати. Таково было условие Ахматовой. А записывал ее в тот раз, в 1965 году, одним из последних Лев Шилов. Сейчас он привлек внимание к магнитофонным записям, сделанным в начале 60-х годов историком и переводчиком И. Д. Рожанским. На пленке сохранились, в частности, реплики, касающиеся пушкинской темы. Например, о воспроизведенном тогда портрете Дантеса Анна Андреевна сказала:

— Мы все отомщены одним этим рисунком. Это чудовище, мещанин, лавочник! Я даже не знала, что он такой был...

Я хочу, чтобы Ахматова оставалась человеком, а не легендой, потому что человеком она была необычным, говорила Аманда Хэйт (Австралия). Я хочу помнить ее глухой, страдающей сердцем, сидящей в маленьких комнатах в чужих московских квартирах (ведь ей приходилось переезжать от одних друзей к другим, чтобы не злоупотреблять их гостеприимством), рассказывающей об ошибках в книгах, которые написали о ней, Гумилеве и Мандельштаме. Я хочу помнить, как она мужественно путешествовала в поезде через Европу. Я хочу помнить эти странные встречи с друзьями, с которыми она не виделась уже сорок лет.

Добавлю от себя, что это было за два года и за год до смерти. Кстати, приходилось слышать, что на вопрос, почему она *там* не осталась, Анна Андреевна, пожав в недоумении плечами, ответила:

— Мне *здесь* тошно.

Так ли все было? Пока еще можно расспросить свидетелей и об этом эпизоде, и о многих других, сопоставить впечатления, уточнить детали...

В прошлом веке первый биограф Лермонтова П. А. Висковатов записал рассказы о поэте людей из его окружения. Где же он, нынешний Висковатов, который во всех подробностях успел бы записать сегодня то, что завтра может исчезнуть навеки. Есть ли для него место в штате научного института, государственного архива, наконец, Музея Ахматовой?

ЕСТЕСТВЕННО, что исследователи не могли пройти мимо центральных вещей Ахматовой — «Реквиема», «Поэмы без героя»... Размышляя о народности «Реквиема», Станислав Лесневский отталкивался от ахматовской записи: «Давала читать R. <«Реквием»>. Реакция у всех одна и та же. Я таких слов о своих стихах никогда не слыхала. («Народные»). Говорят самые разные люди». «Реквием» написан не на краешке стола, замечает докладчик, а на краю гибели, то есть там, где чаще всего в наше время и создается великое искусство. Ефим Эткинд (Франция) подчеркивает, что «Реквием» не стихотворный цикл, в принципе допускающий перестановки, изъятия или дополнения, а именно поэма, построенная по правилам симметрии. Пролог, состоящий из двух частей (длинной и короткой), зеркально отражается в эпилоге, тоже состоящем из двух частей (но уже короткой и длинной). А между прологом и эпилогом — 10 стихотворений: четыре, два и четыре, где два, находящиеся посередине, образуют сюжетный центр: только в этих двух стихотворениях прямо говорится о сыне.

Поиски поэта, воплощающего в «Поэме без героя» ахматовскую идею поэта вообще, Поэта с большой буквы, привели Леонида Долгополова к выводу, что это — Маяковский. И тут возникает непростая задача: как совместить то, что написано в поэме, с нашим привычным представлением о Маяковском? Видимо, нужно в корне менять это представление. И до тех пор, пока это не будет сделано, мы не поймем многого не только в Маяковском, но и в истории нашей страны в XX веке. К «Поэме без героя» обратилась и Светлана Иванова, рассказывая о Белом зале Фонтанного Дома, находящемся через площадку от коммунальной квартиры, в которой жила Ахматова. Двадцать шесть больших и малых зеркал Белого зала расположены частью друг против друга, так что в самом деле «Только зеркало зеркалу снится, Тишина тишину сторожит», частью — против окон, отдающих им свою тревожную глубину: «Кто стучится? Ведь всех впустили. Это гость зазеркальный? Или То, что вдруг мелькнуло в окне...» Становится очевидным, что ахматовские метафоры, связанные с Белым залом, созданы им самим. Многое в «Поэме без героя» прочитывается «глазами Белого зала»...

Тем не менее оказалось возможным открыть в июне прошлого года Музей Ахматовой в Фонтанном Доме, ограничившись коммунальной квартирой, без выхода в соседний Белый зал. И хоть бы кто-нибудь публично заикнулся об абсурдности такого положения.

Были доклады об отдельных стихотворениях (в частности, Сергей Аверинцев обстоятельно разобрал четверостишие «И вовсе я не пророчица...»), об эпиграфе у Ахматовой и даже о некоторых ее ключевых словах. Множились сопоставления: Ахматова и Блок, и Пастернак, и Цветаева, и Хлебников, и Клюев, и Мария Петровых, и Бродский...

ПРИ ЖИЗНИ Ахматовой наши литературоведы не баловали ее своим вниманием. Книги, о которых упомянула Аманда Хэйт, выходили, разумеется, не у нас, а на Западе. Не удивительно, что сама Анна Андреевна неизменно считала лучшей работой о себе статью Николая Недоброво, напечатанную еще в 1915 году.

Юбилей напомнил, что долги надо отдавать.

В. РАДЗИШЕВСКИЙ,
спец. корр. «ЛГ»